
Книга: В.Г.Короленко. "Избранные произведения"
Издательство "Лениздат", Ленинград, 1978
OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 25 мая 2002 года

I

Несколько дней стояло ненастье. Еще в ночь на девятнадцатое июня выпал обильный дождь, а утром облака висели по небу серыми клочьями. Но к полудню свежим ветром их сбило в сплошную тучу и понесло на север. Небо расчищалось, синело, солнечные лучи играли в лужах, на освеженной зелени висели капли, срывались и сверкали в воздухе.

- Порадела владычица, - ведро у бога выпросила, - говорили богомольцы, кучками расположившиеся на улицах и на площади у собора, откуда в двенадцать часов должна была выйти икона.

- Пожалела православных. Гляди, и народу поприбавится... О-ох-хо-хо... На дождик-то мы не больно усердны...

Было еще рано. Пройдя бойкими улицами, миновав затем овраги, я углубился в кривые, грязные переулки на окраине города и подошел к окну, на котором к стеклу было приклеено изображение сапога. Хозяин, Андрей Иванович, выразавший вчера желание идти за иконой вместе со мною, сидел один за своим верстаком и угрюмо стучал по сапогу.

- Андрей Иванович! - окликнул я в окно. - Что же вы не собираетесь? Пора!

Он встрепенулся, но тотчас же скрыл движение радости, отложил сапог, открыл раму и потянулся в окно своим сухопарым туловищем. Внимательно вглядевшись в клочки чистого неба и в облака, уносимые ветром, как будто его решение зависит всецело от этого осмотра, а не от Матрены Степановны, которая начинает сильно ворчать в соседней комнате, - он решительным движением стаскивает со лба ремень, придерживающий волосы, и говорит:

- Иду!

Затем я присутствую при супружеском диалоге, для меня до известной степени одностороннем, так как ясно слышны мне только ответы Андрея Ивановича, а голос Матрены Степановны доносится лишь в виде бурного рокотания.

- Черт его бей! - говорит, во-первых, мой приятель, торопливо укладывая свои инструменты. Потом, надевая чистую рубашку, прибавляет: - Подождет! Что, мне из-за него и богу не молиться!

- Нашла тоже благодетеля... Вон пару шью, - полтины за работу не очистится.

- Жила он, да! А ты как думала? Жила, сквалыга, скнипа!..

Голос Матрены Степановны подымается при этих кощунствах супруга против "давальцев" на самые высокие ноты, но Андрей Иванович упорствует.

- И никогда не приравняю, - говорит он уже другим тоном, - тоном защиты, затягивая в то же время пояс. - Нашла к кому приравнять: по крайней мере, как бы то ни было, все-таки образованный человек, книги сочиняет... не им, живодемам, чета!

Так как в этой речи моего друга, хотя и снабженной столь многочисленными оговорками ("по крайней мере", "как бы то ни было" и "все-таки"), дело, очевидно, идет обо мне, то, из понятного чувства скромности, я несколько удаляюсь от окна. Звуки супружеской перепалки усиливаются, но все же через минуту Андрей Иванович выбегает из калитки. Он несколько красен, несколько взволнован, но во всей его фигуре видно оживление и торжество. К сожалению, я должен сказать, что минуты подобного торжества в супружеской жизни Андрея Ивановича далеко не часты... Как бы то ни было, мы быстро шагаем по городским улицам. Андрей Иванович впереди, и мне видно, как у него нервно подергивается спина, как будто на ней есть глаза, в эти глаза видят оставленный назади дом, и у дверей фигуру Матрены Степановны, и как она стоит, упершись руками в бока и посылая нам вдогонку не христианские